

О людях театра

ЧУЖИЕ ЖИЗНИ, КАК СВОИ...

В февральскую афишу «Красного фанела» наряду с названиями спелтаблей текущего репертуара завтра, 21 февраля, включен творческий вечер засл. арт. РСФСР Евгения Семеновича Лемешонка. Так театр вместе с театральной общественностью города и зрителями отмечает 60-летие со дня рождения и 40-летие сценической деятельности одного из старейших новосибирских актеров.

Е. С. Лемешонко — коренной новосибирец. В нашем городе он родился, здесь он учился в школе, в театральном училище. Отсюда ушел на службу в ряды Советской Армии, сюда вернулся спустя шесть лет, после окончания Великой Отечественной войны.

Почти вся творческая жизнь Евгения Семеновича прошла в новосибирских театрах, сначала — в ТЮЗе, потом — в «Красном фанеле». В его репертуарном списке более 150 ролей — 150 чужих жизней, ставших своими. Горький и Шекспир, Чехов и Голсуорси, Островский и Шиллер, Леонов и Вампилов, Шатров и Гельман, Друзе и Думбадзе, Арбузов и Розов — русская и западная классика, пьесы советских авторов и современных зарубежных драматургов. Огромный, очень разнообразный репертуар.

Новосибирский писатель А. Никульков многие годы следит за творчеством Е. С. Лемешонка. Сегодня он делится своими мыслями об этом актере.

* * *

— Его творческая судьба связана с двумя театрами нашего города. И в том, и в другом он входит в ядро труппы, которое создавало широкую известность в ТЮЗе, и «Красном фанеле».

Высокая, очень высокая, стройная фигура, резкие, несколько суровые черты лица — это, так сказать, фактура. Этот внешний облик весьма определен, и с пераого взгляда трудно представить, что он дает возможность для широкого круга перевоплощений. Но дело в том, что Лемешонко не очень и заботится о внешних изменениях своего облика в разных ролях. Он делает это посредством перевоплощения внутреннего. Поэтому актерский диапазон его широк, до самых противоположных сценических типов. У него нет амплуа.

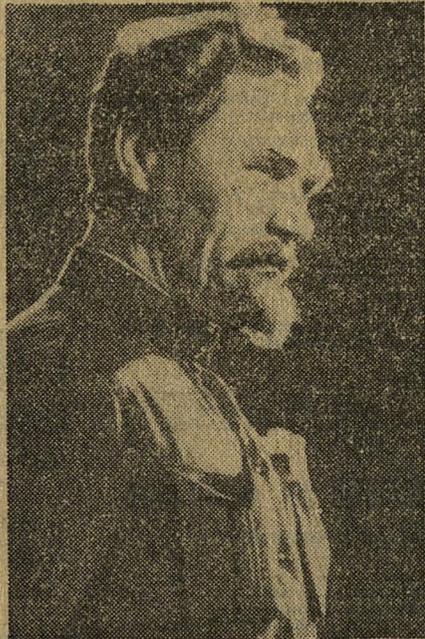
Все, кто видел в ТЮЗе спектакль «Именем революции», надолго запомнили образ Дзержинского, созданный Лемешонком. Когда Дзержинский говорит с Лениным (эту роль играл прекрасный актер Анатолий Мовчан), то он сдержан, суров, жесток, ибо речь у них идет о борьбе с врагами. Но вот он видит двух беспризорников, уснувших в креслах в ленинском кабинете, и голос его при каком-то неумолимом переходе меняется — становится мягким и добрым.

В пьесе Шатрова образ Дзержинского не разработан в подробностях, дан лишь в основных чертах. Но актер в этом выявлении мягкости в человеке, настроенном на решительные и жесткие решения, обнаруживает особенности живого характера, крупного и многогранного. Живой портрет Дзержинского создается поразительно лаконичными средствами.

Или вспомним Актера в горьковском «На дне», интересно и свежо поставленном В. Кузьминым. Та же высокая фигура, то же резкое от природы лицо. Но нервные, мятущиеся жесты, за которыми все время угадывается какая-то беспомощность, рисуют личность и жалкую, и одновременно трагедийную. Актер читает стихи Беранже, он старается читать их артистически, с положенным пафосом, но голос вибрирует, как бы спадает, и пафос притушевается тоской, безысходностью. В этой роли Лемешонко с истинным мастерством использовал контраст между своими внешними данными и внутренним состоянием героя. Самый выскокий, самый длиннорукий среди обитателей ночлежки — и самый неприспособленный к этой жизни «на дне», самый чужой среди своих забутенных сожителей.

Купец Курослепов в «Горячем сердце» Островского — фигура комическая, и уж во всяком случае, более гротес-

ково поданная актером, чем это написано драматургом. Записавший, ошалевший до галлюцинаций, до распада личности, он и смешон, и страшен, и вызывает определенное сочувствие у зрителя. Вот уж где Лемешонко ис-

пользовал во всю мощь возможности своего голоса! Мечется по сцене громоздкая фигура, подавляющая всех своей могучностью, валится на колени; прячет лицо в землю, да еще прикрывает затылок руками и вопит, вопит: почему это на него небо рухнет, вот сейчас рухнет, раздавит...

В спектакле «Красного фанела» Лемешонко играл в паре с А. Покиденко. Пожилой, одинокий, усталый человек, познавший позднюю любовь. Сквозь прivityчную сдержанность так и рвутся его чувства, рвутся, не буйно, не половодьем, а нежностью интонаций, бережностью прикосновений, деликатностью жестов. В образе Родиона Николаевича актер удивительно изящен и гармоничен.

В своей актерской судьбе Лемешонко всесторонне реализовал отпущенный ему природой талант, но наверняка не исчерпал, нет. Я прошу у него прощения, если выдаю тайну. Но однажды он сказал мне, что давно мечтает сыграть голевского городничего. И это его желание, признаться, стало и моей зрительской мечтой — увидеть Лемешонка в «Ревизоре». Уверен, это был бы интереснейший городничий!

Прекрасна естественность всех перевоплощений этого артиста. Я не помню, чтобы где-то в каком-то месте роли Лемешонко специально форсировал голос, интонацию ради эффекта, для пущей зрелищности. После «Горячего сердца» один мой знакомый сетовал: «И чего это Лемешонко вопил чуть не весь

спектакль». А ведь никакого актерского пережима не было. Была логически и органично раскрыта, обнажена гибель личности, ее разложение — гибель в том диком мире, который она сама же и создала. Человек гибнет, и при всей тупости своей не столько разумом, сколько инстинктивно чувствует, что гибнет. Как же тут не запойть?

Зато в роли Хорнблоуэра из пьесы Голсуорси «без перчаток» — это одна из лучших работ артиста краснофакельского периода — Лемешонко почти на всем протяжении спектакля был предельно ровен и спокоен. Семья разорившихся аристократов (это что-то вроде английского варианта «Вишневого сада») попадает в сети к дельцу новой формации. Хорнблоуэр неумолим. Бесстрастный голос, нет даже интонации жестокости или торжества. Но вот оказывается, что противники этого уверенного в себе человека, люди утонченные, вроде бы не способные к борьбе, на самом деле куда коварней и безжалостней, чем он сам. И прижатый к стене железной рукой «без перчаток», Хорнблоуэр — Лемешонко теряет все свое хладнокровие, он неистов в своей ярости, точно загнанный в клетку сильный зверь.

Не о жиданности, «неправильности», с чьей-то точки зрения, которые встречаются в работах Лемешонка, свидетельствуют, по-моему, об одном: этот артист знает жизнь, знает людские характеры, их внешние проявления не только по книгам или пьесам, а в натуре, по собственному опыту общения со множеством людей, по самостоятельному и пристальному их изучению.

Ведь это общий закон художественного творчества — и для актеров, и для писателей, и для живописцев. Одним лишь институтским образованием, одним только самокопанием никогда не обогатишь свой талант до такой степени, чтобы стали тебе ясны самые тонкие и скрытые явления живой жизни, человеческой психологии. Надо хлебнуть в жизни всего. Хлебнуть любви, ненависти, радости и печали, дружбы с добрыми людьми и драки с людьми недобрыми — только тогда твой талант будет воистину богатым, способным выразить не частные правды и вкусы, а всеобщую главную правду.

Лемешонко богат талантом, потому что он богат прожитой жизнью.

Эти заметки не претендуют на создание творческого портрета актера. Я всего лишь вспоминаю те роли, которые, как мне кажется, наиболее определенно обнаруживают дорогие мне черты творческой индивидуальности Лемешонка. Черты, которые, конечно же, находят развитие в его новых работах.

Анатолий НИКУЛЬКОВ.

* * *

НА СНИМКЕ: засл. арт. РСФСР Е. С. ЛЕМЕШОНКО в роли Дзержинского в спектакле «Именем революции».

Фото Б. Барышникова.